

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЯЗЫКАМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (К ГОДУ ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ)

ОТ РЕДАКЦИИ

2026 год объявлен годом единства народов России, и редакция нашего журнала не могла не откликнуться на это событие. Для филологического факультета Московского университета оно имеет особый смысл, поскольку именно здесь в течение почти шестидесяти лет реализуется проект документации, описания и анализа языков России и бывшего СССР, история которого наполнена усилиями и достижениями нескольких поколений исследователей.

В 1967 году Александр Евгеньевич Кибрик, тогда еще молодой сотрудник кафедры структурной и прикладной лингвистики, а впоследствии ее многолетний заведующий, член-корреспондент Российской академии наук, приехал вместе с коллегами в Дагестан, чтобы изучать лакский язык в ходе непосредственной работы с его носителями. Придуманый А.Е. Кибриком и впервые опробованный в этой экспедиции метод коллективного полевого исследования оказал на документацию малых языков такое же революционизирующее воздействие, какое появление конвейерного производства оказало на мировую экономику. Объем и качество языковых данных, которые стало возможно получать в полевых условиях, выросли на порядки.

За первой экспедицией филологического факультета последовали десятки других. Их сотрудники исследовали более 50 языков, опубликовали их грамматические описания, словари и коллекции текстов, написали сотни научных статей и сделали тысячи докладов. При кафедре теоретической и прикладной лингвистики создан Центр по изучению языков коренных народов России. Работа с этими языками объединяет десятки лингвистов — от студентов, только начинающих академический путь, до профессоров с мировой известностью.

* * *

Описание языков России критически важно по многим причинам. Укажем главную. Любой язык — вместительное неповторимое опыта жизни народа, хранитель его культурных переживаний, «дом

бытия». Идея единства народов России неосуществима без признания уникальности этого опыта, без внимательного, вдумчивого и бережного отношения к языковому наследию, без поддержки и помощи для каждого из более чем 150 языков, на которых говорят в нашей стране.

Роль и ответственность лингвистов в этой работе невозможно переоценить. Многие языки до сих пор описаны недостаточно или неточно, и это положение надо исправлять, потому что оно мешает развитию образования, культуры, медиакоммуникаций. Часть языков остается бесписьменными: количество их носителей невелико, а инвестиции в создание языковой инфраструктуры, книгоиздания, средств массовой информации нерентабельны. Без усилий лингвистов такие языки никогда не будут документированы. Наконец, очень значительно число языков, испытывающих, к великому сожалению, прямую угрозу скорого исчезновения — когда появляется поколение тех, кто не понимает речь своих родителей, бабушек и дедушек. Лингвисты чаще всего не могут повернуть этот процесс вспять, но они обязаны сделать то, что в их силах: описать язык так, чтобы он не исчез в тот день, когда уйдет последний носитель.

* * *

В этом номере журнала читатель найдет статьи о четырех языках: бежтинском, горномарийском, лесном ненецком и тиндинском. Их авторы представляют три основных академических учреждения Москвы, которые интенсивно занимаются языками России: Московский университет, Институт языкознания РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Охватывая несколько различных сюжетов от социолингвистики и лингвистической антропологии до синтаксиса и грамматической семантики, они дают прекрасную возможность составить представление о глубине и многообразии задач, которые материал малоизученных языков ставит перед вдумчивым исследователем.

Статья «Языковое сообщество тиндинцев: новые наблюдения» (С.Г. Татевосов, О.Е. Казьмина, М.Н. Архипова, М.Б. Панич, П.О. Россяйкин, Ф.А. Садковский, Г.Ю. Устьянцев, О.В. Федорова) — результат совместной работы лингвистов и этнологов в рамках Научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». В ней дается обзор имеющихся сведений о тиндинском языке, одном из андийских языков Дагестана, и о социокультурной ситуации, в которой находятся его носители, а также излагаются наблюдения, полученные в ходе экспедиции 2025 года, первой после долгого перерыва андийской экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова.

З.М. Халилова, известный в России исследователь цезских языков Дагестана, — автор статьи «Конструкции со значением опасения в бежтинском языке». В этой статье подвергается подробному анализу бежтинский апрехенсив, категория, которая маркирует пропозицию как имеющую нежелательные последствия для говорящего или носителя пропозициональной установки. Бежтинские данные представляются особенно важными с учетом того, что эта категория относительно редко выражается грамматическими средствами в языках мира, и данные о ее синтаксической дистрибуции и семантической интерпретации на данный момент очень неполны.

Д.Д. Мордашова в статье «Эпистемические маркеры в горномарийском языке: семантика и дистрибуция» предлагает небольшое по объему, но очень содержательное обсуждение трех горномарийских показателей эпистемической модальности. Автор убедительно показывает, что описание их семантики не только нуждается в понятии эпистемической оценки, традиционно используемом при анализе этого типа модальности в работах типологического направления, но и содержит эвиденциальный компонент, указывающий на источник информации, на который опирается ассерция.

С.Ю. Толдова затрагивает интереснейшую проблему, относящуюся к сфере семантико-синтаксического интерфейса, которую можно увидеть и осмыслить на материале лесного ненецкого языка: взаимодействие системы средств поддержания референции и предикативного согласования. В статье «Редуцированные средства референции в позиции прямого дополнения и объектное согласование в лесном ненецком» описывается явление, состоящее в том, что обязательность объектного согласования коварьрирует с редуцированностью референциального выражения. Как представляется, данные такого рода могут иметь существенное значение для лучшего понимания ограничений, которым подчиняется объектное согласование в уральских языках.

Завершая это введение и оставляя читателя наедине с авторами, мы хотели бы выразить надежду, что важнейшая работа по документации языков России будет продолжаться и развиваться.

ЯЗЫКОВОЕ СООБЩЕСТВО ТИНДИНЦЕВ: НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

С.Г. Татевосов¹, О.Е. Казьмина¹, М.Н. Архипова¹,
М.Б. Панич¹, П.О. Россяйкин¹,
Ф.А. Садковский^{1,2}, Г.Ю. Устьянцев¹, О.В. Федорова¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

² Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация: В статье охарактеризовано языковое сообщество тиндинцев — носителей бесписьменного малого языка, живущих в нескольких сельских населенных пунктах Дагестана. Авторы предлагают программу комплексного этнолого-лингвистического исследования, нацеленного на описание нескольких его характеристик. Во-первых, это языковая ситуация, степень витальности языка, социолингвистические обстоятельства его функционирования, дву- и многоязычие, тенденции развития грамматической и лексической систем. Во-вторых, это социокультурная ситуация, ключевой компонент которой — то, что носители языка относятся одновременно к нескольким иерархически организованным общностям: сельской общине, группе родственных андийских народностей, более крупной аваро-андийской общности. На это накладывается региональная идентичность народов Дагестана и, шире, Северного Кавказа. В-третьих, это многомерное взаимодействие языкового и социокультурного измерения, обнаруживающее нетривиальные эффекты, связанные, в частности, с эволюцией языковой и этнической идентичности.

Ключевые слова: тиндинцы; тиндинский язык; языки Дагестана; многоязычие; этническая и языковая идентичность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-1

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

Для цитирования: Татевосов С.Г., Казьмина О.Е., Архипова М.Н., Панич М.Б., Россяйкин П.О., Садковский Ф.А., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Языковое сообщество тиндинцев: новые наблюдения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 12–30.

THE LANGUAGE COMMUNITY OF TINDI: NEW EVIDENCE

Sergei G. Tatevosov¹, Olga E. Kazmina¹,
Mariana N. Arkhipova¹, Maria B. Panich¹,
Petr O. Rossyaykin¹, Fedor A. Sadkovskii^{1,2},
German Yu. Ustyantsev¹, Olga V. Fedorova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

² *Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract: This article describes the Tindi linguistic community. Tindi is an endangered language spoken in rural areas of Dagestan. We propose a program of a comprehensive ethnological and linguistic study that aims at exploring a number of characteristics of this linguistic community. It includes a linguistic and a socio-cultural component. The former focuses on the sociolinguistic characteristics of Tindi, bilingualism and multilingualism, grammatical and lexical systems. The latter addresses a complex system of identities that are defined by the fact that Tindi speakers are at the same time part of a local community, a larger Andic ethnic group, and a yet larger Avar-Andic group. This interacts in multiple ways with the regional identities of the peoples of Dagestan and the peoples of North Caucasus at large. Finally, the interaction of the above two components is to be put under scrutiny, revealing non-trivial effects related, among other things, to the evolution of linguistic and ethnic identities.

Keywords: people of Tindi; the Tindi language; languages of Daghestan; multilingualism; ethnic and linguistic identities

Funding: The study was supported by Lomonosov Moscow State University Development Program, project No. 23-III02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

For citation: Tatevosov S.G., Kazmina O.E., Arkhipova M.N., Panich M.B., Rossyaykin P.O., Sadkovskii F.A., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. (2026) The Language Community of Tindi: New Evidence. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 12–30.

Цель этой статьи — сформулировать несколько соображений о том, как может быть устроено комплексное этнолого-лингвистическое исследование малого языкового сообщества. Мы, однако, не будем пытаться решить эту задачу в общем виде. Вместо этого мы представим несколько наблюдений об одном конкретном сообществе — тиндинцах, живущих в Цумадинском районе Дагестана, опишем оказавшиеся в нашем распоряжении свежие данные об их языке и социокультурной ситуации и изложим несколько обобщений о тенденциях ее развития. В завершение мы представим программу исследования этого сообщества, оговорив те ее пункты, которые, как кажется, масштабируются на другие похожие сообщества.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделах 1 и 2 приводятся соответственно общая характеристика тиндинского языка и его носителей и история их изучения. Раздел 3 посвящен описанию предварительных результатов полевого исследования, проведенного в 2025 году. Раздел 4 намечает перспективы дальнейшего исследования.

1. Тиндинцы и тиндинский язык

Тиндинцы — коренное население северо-западной части Дагестана, большинство которого проживает в селе Тинди (около 2700 жителей по данным переписи населения 2021 года), а кроме этого, в окрестных горных селах Цумадинского района и в нескольких переселенческих селах равнинной части Дагестана. Кроме Тинди, крупнейшими тиндинскими селениями Цумадинского района считаются Тисси (около 650 жителей), Тисси-Ахитли (около 550 жителей), Эчеда (около 950 жителей) и Гадайчи (около 130 жителей). По некоторым данным, впрочем, многие их официально зарегистрированные жители фактически проживают в других местах, так что настоящее население может оказаться несколько меньше. Все остальные тиндинские поселения в горном Дагестане в основном расположены на небольшом удалении от Тинди и насчитывают менее 100 жителей.

Тиндинцы в основном расселились по северо-западным склонам Богосского хребта. Самоназвание жителей села Тинди — *идери*; под этим или фонетически близким названием они известны соседям. Остальные тиндинцы получали свои названия по названию селений, например, Тисси, Акнада, Ангида и др. [Народы Дагестана 2002: 213].

Численность и динамика этнодемографических процессов тиндинцев оцениваются очень приблизительно: длительное время существовала традиция в переписях населения рассматривать их как «этническую группу» аварцев и не выделять в отдельный народ. Согласно разным источникам, в 1866 г. тиндинцев насчитывалось 2515 человек, в 1886 г. — 3262, 1916 г. — 3864, в 1926 г. — 3812, в 1939 г. — 5800 человек. В 1980–1990-е годы оценки численности тиндинцев колебались в диапазоне от 5 до 10 тыс. человек. Текущие оценки варьируют в пределах от 10 до 25 тыс. человек [Магомедов 2022]. Последняя, однако, — результат экстраполяции более ранних данных и представляется несколько завышенной. Согласно переписи 2021 года, в России проживает 1161 тиндинцев (тиндалов) [Всероссийская перепись населения 2020].

Тиндинцы, как и остальные горские народы Дагестана, входят в состав Дагестанской историко-культурной области, которая является частью Кавказской историко-культурной провинции.

Для тиндинцев традиционно характерны развитое горное и террасное богарное земледелие, то есть земледелие без использования искусственного орошения. В основном преобладают зерновые культуры, что объясняет большое количество мучных и зерновых блюд в традиционной кухне [Магомедханов, Мусаева 2009: 125]. Кроме того, активно практиковалось отгонное скотоводство. Скот отгонялся на пастбищные хутора, где содержался длительное время. География расселения диктовала особую форму поселения — склоновые и террасные селения с плотной застройкой.

По вероисповеданию тиндинцы — мусульмане-сунниты, исламизация этой этнической группы происходила в XV–XVIII вв. В духовной культуре сохранилось много домусульманских верований и обычаев, например, обряды вызова дождя и солнца, праздник сбора урожая, первой борозды и т. д. [Народы Дагестана 2002: 216–222]. Для обрядовой культуры тиндинцев характерен религиозный синкретизм, сочетание ислама и доисламских ритуальных практик. В актуальных верованиях распространены поверья, связанные с куклами небесных светил, объектов природы, апотропеями, порчей и знахарством [Магомедханов, Мусаева 2009: 276–288]. Долгое время у тиндинцев сохранялся самобытный сельскохозяйственный календарь и своя система отсчета времени. Фольклор тиндинцев представлен историческими преданиями, волшебными и бытовыми сказками, песнями, широко известными среди аварцев [Магомедханов, Мусаева 2009: 260–262]. Культура тиндинцев формировалась в рамках общеаварских и общедагестанских традиций [Магомедханов, Мусаева 2009: 290].

Данные социологических исследований демонстрируют присущую тиндинцам множественную идентичность. В едином социальном пространстве — в этнически гомогенных населенных пунктах — одновременно сосуществуют несколько идентичностей [Gaither 2018: 450].

Тиндинский язык относится к андийской ветви аваро-андийской группы нахско-дагестанских языков. Традиционно выделяют две группы говоров: тиндинско-эчединскую и ангидинско-акнадинскую [Гудава 1967]. Текущая реальность последнего, однако, вызывает сомнение из-за депопуляции селений Ангида и Акнада, где прежде проживали их носители.

Для таких языков, как тиндинский — малых и бесписьменных, важной характеристикой является степень витальности языка. Существует несколько различных шкал определения витальности (см. [Казакевич и др. 2022]), в том числе шкала ЮНЕСКО, шкала М. Красусса, EGIDS и др. По всем шкалам тиндинский попадает в опасную зону. Согласно авторитетному ресурсу Ethnologue (<https://www.ethnologue.com/language/tin/>), он находится под угрозой исчезнове-

ния (endangered); эта степень витальности характеризуется нарушением межпоколенческой передачи языка. Ресурс Glottolog (<https://glottolog.org/resource/language/id/tind1238>) приписывает языку статус «развитие языкового сдвига» (“shifting”), когда самыми молодыми носителями являются представители поколения родителей. На сайте проекта «Малые языки России» на базе Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН (<https://minlang.iling-ran.ru/>) тиндинский язык получает статус «начало языкового сдвига» (threatened), который характеризуется тем, что большинство взрослых владеют языком, но детям язык, как правило, не передается. Там же, однако, отмечается, что в сельской местности уровень владения языком довольно высокий и передача его детям сохраняется¹. Таким образом, одна из исследовательских задач — детальный анализ языковой ситуации в регионе и оценка витальности тиндинского языка.

2. История изучения

2.1. Язык

Одно из первых упоминаний о тиндалах и их языке можно найти у Р. Эркерта [von Erkert 1888]. «Пройдя вверх по течению реки Койсу, — пишет Р. Эркерт, — и перейдя ее по одному из очень примитивных мостов, попадаешь в каменистую долину одного из крупных правых притоков Койсу, спускающегося с заснеженного Богосского хребта. Здесь говорят на диалекте тиндал, или идери, а главное поселение — Тинди, или Иди. Ущелье покрыто густым кустарником, и, поскольку идешь прямо по течению реки, впечатление от гор полностью исчезает; чувствуешь, будто перенесся в высокогорный ландшафт центральной Германии».

В начале XX века тиндинский язык описывается в числе прочих андийских языков в работе А. Дирра «Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» [Дирр 1909]. Важной вехой на пути исследования тиндинского языка стали работы Т.Е. Гудава, в частности, краткий очерк в издании «Языков народов СССР» [Гудава 1967].

Новый этап в истории дагестановедения, начавшийся в конце 1960-х годов, связан с именем А.Е. Кибрика, крупнейшего исследователя языков Дагестана и создателя новой традиции полевой лингвистики. В первой половине 1970-х годов А.Е. Кибрик задумал масштабный проект описания по единой схеме лексики всех языков

¹ О статусе витальности тиндинского языка, равно как и о характере этнического и языкового самосознания его носителей, см. также проект «Языки России», осуществляемый в Институте языкознания РАН (<https://jazykirf.iling-ran.ru>).

Дагестана; разработанный им и его коллегами и учениками тезаурус состоял из 1000 словарных статей и включал не только перевод, но и информацию, необходимую для построения парадигмы каждого слова. В двухтомнике «Сопоставительное изучение дагестанских языков» [Кибрик, Кодзасов 1988, 1990] собран уникальный материал не только по лексике, но и по фонетике и морфологии дагестанских языков, который с момента публикации активно используется кавказоведами и типологами. Кроме того, А.Е. Кибрик много занимался и внутригенетической типологией дагестанских языков и выпустил, в частности, серию публикаций под общим названием «Материалы к типологии эргативности», в том числе выпуск, посвященный тиндинскому языку [Кибрик 1980]. Последний представляет первые систематические данные о тиндинском синтаксисе.

Первые тиндинско-русский словарь [Магомедова 2003] и грамматика тиндинского языка [Магомедова 2012] принадлежат перу П.Т. Магомедовой — известного исследователя андийской ветви дагестанских языков и носителя нескольких из них.

В последние годы тиндинским языком занимался известный французский кавказовед Ж. Отье. Очерк грамматики тиндинского языка его авторства выйдет, как ожидается, в ближайшее время [Authier in preparation].

Несмотря на наличие нескольких существенных публикаций по тиндинскому языку, он по-прежнему остается одним из самых малоописанных языков России. Имеющиеся описания содержат серьезные лакуны. Кроме того, в них замечены определенные расхождения даже по части словоизменительной морфологии. При подготовке к полевому исследованию 2025 года данные о парадигмах 60 базовых существительных были сверены по двум источникам: грамматике П.Т. Магомедовой [Магомедова 2012] и работе А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова, содержащей диагностические формы для существительных [Кибрик, Кодзасов 1990]). Лишь в 19 случаях данные полностью совпадали. В имеющихся источниках не хватает данных и для построения глагольных парадигм, в особенности аналитических глагольных форм. Например, в [Магомедова 2012] при обсуждении форм с бытийной связкой *ija* указан как стяженный вариант, так и вариант без стяжения (единственно возможный по [Гудава 1967]), но дистрибуция этих вариантов остается невыясненной.

При работе с немногими имеющимися материалами внимание привлекают и многие другие недоописанные или неописанные сюжеты. Это касается всех модулей языка — фонетического (например, приемлемость зияния или статус носовых гласных), морфологического (например, деривационная морфология) и синтаксического (A²-зависимости, структура нефинитных предикаций, структура

сложных предложений, аллокутивное согласование, многое другое), семантического (например, интерпретация глагольных форм или индексикальный сдвиг).

Наконец, нельзя не отметить полное отсутствие корпуса текстов, которые представляют собой необходимое условие научного изучения языка и поддержания его витальности. Единственный общедоступный текст объемом в 18 предложений опубликован в упомянутом очерке Т. Гудава [Гудава 1967]. Документация языка является, таким образом, насущной задачей.

2.2. Этническая и языковая идентичности

Динамика этнической и языковой идентичностей тиндинцев критически недоизучена.

В 2010–2011 годах в селах Дагестана было проведено исследование этнических идентичностей и межнациональных отношений андоцезских народов. Основные маркеры этнической идентичности для тиндинцев — знание и соблюдение традиций и обычаев своего народа (61 % опрошенных), а также знание национального языка (23,4 %). Этноконсолидирующими признаками опрошенные считают национальный (родной) язык (81,8 %), национальные традиции, обычаи, обряды (81,8 %), религиозную принадлежность (53,2 %) [Шабханова 2012а: 119–124]. Опрос показал, что для большинства тиндинцев характерно ярко выраженное многоязычие²: 46,8 % респондентов считают родными русский и язык своей национальности, 29,9 % — аварский язык и язык своей национальности, 19,5 % — только язык своей национальности. Большинство опрошенных при этом считают, что обучение должно вестись на аварском языке в начальной школе и на русском в старших классах (49,4 %). 32,5 % респондентов видят в качестве основного языка образования русский. При этом только 5,2 % опрошенных считают необходимым вести преподавание на тиндинском языке [Шабханова 2012b: 98–100]. Этот результат обусловлен, вероятно, отсутствием письменности и литературной традиции. Тиндинский язык не преподается в школе: обучение ведется на русском языке, а в качестве родного изучается аварский.

Важный источник данных об этнической и языковой идентичностях — переписи населения. Согласно переписи 2021 года, респондентов, обозначивших тиндинский язык как родной, насчитывалось 4457. Респондентов, идентифицировавших себя как тиндалы, было, однако, существенно меньше — 1161 человек. Весьма показательны

² Информация о многоязычии в Дагестане аккумулируется на сайте проекта «Атлас многоязычия в Дагестане» (<https://multidagestan.com/ru/>).

данные по с. Тинди: 2669 жителей с родным тиндинским, 35 — с родным аварским и при этом 2255 этнических аварцев на 448 тиндалов. Таким образом, в нашем случае можно говорить о существенном несовпадении языковой и этнической идентичности. Осознавая свой язык как тиндинский, его носители в то же время рассматривают себя как аварцев.

Объяснение столь сильного несовпадения между числом тех, кто считает тиндинский своим родным языком, и числом тех, кто осознает/называет себя тиндалами, следует искать в зигзагах советской национальной политики и непосредственно с ней связанной политике переписей. После Октябрьской революции новая власть принимает и инкорпорирует в свою политику принцип национального самоопределения, что приводит к закреплению важности этнической идентичности (в Российской империи базовыми культурными идентичностями были языковая и религиозная, этническая вытекала из них или растворялась в них [Казьмина и др. 2025: 158–173]). «Продвижение» нового важного типа идентичности идет наряду с прочими мерами через политику переписей населения. Во всех советских переписях начиная с переписи 1920 г. в той или иной форме (терминология менялась: народность, национальность) ставился вопрос об этнической принадлежности.

Наиболее подробно этнический состав населения страны был зафиксирован в переписи населения 1926 г., что соответствовало поставленной перед ее разработчиками задаче. Принятый советской властью принцип национального самоопределения предполагал самостоятельность этнической идентичности. Еще при подготовке переписи 1920 г. родной язык перестали рассматривать как синоним народности [Соколовский 2009: 47–49]. В соответствии с таким подходом и с поставленными задачами, перепись 1926 г. дала самые подробные сведения об этническом составе. Для определения категории «национальность» был выработан детальный метод выявления национальной принадлежности, а составленный для переписи 1926 г. список национальностей СССР включал 199 наименований — самый большой список из всех советских переписей. Так, в переписи населения 1926 г. появились многие малочисленные этнические группы, и тиндалы (тиндинцы) в том числе. Их численность в СССР, по материалам переписи 1926 г., оказалась 3812 человек.

Однако уже в 1930-е годы национальная политика страны делает довольно крутой поворот. При сохранении значимости принципа национального самоопределения акцент смещается в сторону утверждения консолидации советского общества. Этот консолидирующий посыл выливается в идею укрупнения этнических общностей. В результате менее многочисленные этнические группы

стали включаться в более многочисленные: бесермяне в состав удмуртов, кряшены и нагайбаки — в состав татар, сойоты — в состав бурят и т. п. Эта участь постигает и андо-цезские народы, включая тиндинцев: всех их стали объединять с аварцами. Подобные зигзаги идеологических установок приводят к сокращению перечня народов, выделявшихся во время переписей. В материалах переписи 1926 г., когда стремились как можно более полно учесть этническое многообразие страны, выделялось 178 народов (почти столько же, сколько предлагалось в списке), а в материалах переписи 1939 г. — уже только 62. В послесталинский период идеологический нажим несколько ослаб, но и перепись 1959 г. зафиксировала лишь 109 народов [Соколовский 2009: 45]. В более поздних советских переписях число выделяемых народов постепенно росло, но оно так и не приблизилось к показателю переписи 1926 г. Представителями некоторых малочисленных групп это воспринималось как признание в 1926 г. и отмена признания в последующих переписях.

Такая ситуация формировала травму и укрепляла самосознание наиболее активных членов группы. С конца 1980-х годов появляется активное движение за восстановление этнического статуса так называемых непризнанных народов, а критерием отдельного этнического статуса выступает перепись населения 1926 г. Наряду с другими группами, выделявшимися в переписи 1926 г., но не показывавшимися во всех последующих советских переписях, признания с конца 1980-х годов добивались и представители андо-цезских народов. Борьба за признание усилилась в период подготовки к первой постсоветской переписи, которая прошла в 2002 г. По некоторым добивавшимся признания группам принимается компромиссный вариант. Они указываются в переписи 2002 г., но в составе более крупных общностей. В эту категорию попали и андо-цезские народы, численность которых дана, но как групп аварцев. Назвавших себя тиндалами в переписи 2002 г. оказалось 44 человека. Ситуация по другим андо-цезским народам весьма сильно различалась. Так, перепись зафиксировала 814 473 аварца, среди которых выделялись следующие группы: андийцы — 21 808, арчинцы — 89, ахвахцы — 6376, багулалы — 40, бежтинцы — 6198, ботлихцы — 16, гинухцы — 531, годоберинцы — 39, гунзибцы — 998, дидойцы — 15 256, каратинцы — 6052, тиндалы — 44, хваршинцы — 128, чамалалы — 12 [Всероссийская перепись населения 2002 г.]. Перепись 2010 г. зафиксировала уже 635 тиндалов (идари, тиндинцев), но тоже в составе аварцев [Всероссийская перепись населения 2010 г.]. В переписи населения 2021 г. численность тиндалов уже достигает, как отмечалось выше, 1161 человек. Подобная динамика, отраженная в последних переписях населения, свидетельствует как об усилении соб-

ственной локальной — «тиндинской» — идентичности, так и о существовании иерархичности идентичностей. Однако этот вопрос требует дальнейшего специального изучения в ходе этнографической полевой работы.

3. Полевое исследование 2025 года

В июле 2025 года языковое сообщество тиндинцев в с. Тинди стало предметом первого за долгое время полевого исследования, проводимого Московским университетом в Дагестане. Исследование — часть совместной инициативы кафедры теоретической и прикладной лингвистики и кафедры этнологии. Кроме собственно научного, полевое исследование имело и символическое измерение: исполнилось ровно 50 лет с момента проведения организованной А.Е. Кибриком экспедиции по сбору данных андийских языков, которая работала в том числе и в с. Тинди в 1975 году.

В ходе экспедиции начата реализация процедур полевой документации языка, разработанная на кафедре теоретической и прикладной лингвистики. В первую очередь были записаны и расшифрованы три образца тиндинской речи, которые представляют нарративы разных жанров — историческое повествование, бытовая история, сказка. Каждый текст снабжен подстрочным поморфемным переводом и идиоматичным переводом на русский язык.

На первом этапе документации, кроме того, создана и начала наполняться база данных по словоизменительной морфологии тиндинского языка, как именной, так и глагольной. Работа нацелена на построение морфологического описания, включающего для любой лексической единицы полный набор процедур, порождающих все возможные словоформы. В ходе полевой работы собран корпус словоформ объемом примерно 1500 единиц.

Именные парадигмы по большей части представляют собой сочетание форм из [Кибрик, Кодзасов 1990] и [Магомедова 2012]. Анализ полученных данных показывает значительную вариативность в выборе словоизменительного класса. Засвидетельствованные грамматические формы могут отклоняться от ожидаемых в двух отношениях. В одних случаях носители в пределах одной лексемы «соединяют» части разных парадигм, переходя с одного словоизменительного класса на другой. В других случаях, напротив, парадигмы небольших по объему словоизменительных классов выравниваются за счет сведения к дефолтному классу. В данных отмечены и формы, не засвидетельствованные ни в одном из источников. Остается открытым вопрос о том, в какой степени наблюдаемые морфологические факты отражают диахронические изменения

в языке и в какой — специфику процедур документации, практиковавшихся в исследованиях наших предшественников.

В сфере глагольной морфологии производился сбор парадигм по глагольной выборке, опирающейся на [Кибрик, Кодзасов 1988] и более ранние исследования других андийских языков — годоберинского [Kibrik (ed.) 1996] и багвалинского [Кибрик (ред.) 2001]. Основная задача, которую должен решить анализ полученных данных, — построение обобщений о системе словоизменительных глагольных классов. В предыдущих исследованиях эта задача либо не была решена в полной мере, либо вовсе не ставилась.

Параллельно осуществлялась аудиофиксация записываемого материала. Это особенно важно для последующего акустического анализа, который позволит дать полную картину фонологической системы языка, которая в текущем состоянии содержит серьезные лакуны.

Участники проекта, кроме того, провели первичный сбор социолингвистических данных о функционировании языка в условиях тиндинско-аварско-русского трилингвизма. Как отмечалось выше, с точки зрения этнической идентичности тиндинцы находятся под влиянием нескольких несовпадающих векторов: локальная идентичность, определяемая принадлежностью к сельской общине, общеаварская идентичность, общедагестанская идентичность и собственно тиндинская идентичность. Однако количественных данных, позволяющих оценить влияние каждого из этих факторов, недостаточно.

Предварительные полевые данные, полученные в ходе неформальных интервью с жителями с. Тинди в ходе экспедиции 2025 года, подтверждают, что самодостаточность тиндинского языка ни у кого из опрошенных не вызывает сомнений («У нас свой язык», «Мы говорим не по-аварски» и т. п.). В пределах селения тиндинский язык доминирует во всех социальных сферах за вычетом школьного образования, где уроки ведутся на русском языке, а уроки родного языка — на аварском. Межпоколенческая передача в пределах сельской общины, по-видимому, полностью сохранна. Наряду с этим была выявлена не описанная ранее тенденция к утрате аварских языковых практик и соответственно ослаблению аварского компонента в комплексной идентичности. Опрошенные нами носители среднего и старшего поколения отмечают, что роль лингва франка, которую аварский язык в течение долгого времени играл в языковой среде андийских и цезских народов, сейчас постепенно утрачивается, особенно среди детей и подростков, и аварский язык в этом качестве постепенно уступает место русскому.

4. Дальнейшие перспективы

Предшествующее обсуждение показывает, что, хотя языковое сообщество тиндинцев отличается значительным количеством уникальных, присущих только ему черт, его в то же время можно рассматривать как представителя целого класса таких сообществ. Вот три важнейшие характеристики, которые тиндинцы/тиндалы и тиндинский язык разделяют с некоторыми другими малыми народами и языками.

Во-первых, это языковая инфраструктура, близкая к отсутствующей. Письменность, образование, литература, книгоиздание, средства массовой информации, цифровые инструменты — ничего этого у тиндинского языка нет. А сочетание малочисленности носителей с ресурсоемкостью инфраструктуры делает ее появление в ближайшем будущем маловероятным.

Во-вторых, это относительно высокая витальность языка в пределах сельской общины в сочетании с дефицитом его социального престижа. Носители не связывают с языком виды на индивидуальный успех и благополучие своей семьи. Это гарантирует утрату тиндинской языковой компетенции в течение двух-трех поколений за пределами общины и делает его будущее зависимым от ее сохранения и процветания.

В-третьих, языковая среда, в которой существует тиндинский язык, — это среда с многослойной и многофакторной этнической идентичностью, элементы которой не полностью описаны и осмыслены. Нуждается в серьезной научной рефлексии и динамика этой идентичности.

Все перечисленное делает актуальными несколько задач для совместной работы лингвистов и этнологов — как с сообществом тиндинцев, так и с другими аналогичными сообществами.

Прежде всего, язык нуждается в продолжении подробной и обстоятельной документации полевыми методами. На наш взгляд, даже тиндинская фонетика и морфология требуют дополнительного изучения.

Среди фонетических вопросов — специфика тиндинского ударения. Например, А.Е. Кибрик и С.В. Кодзасов описывают тиндинский как язык со слоговым (морovým) ударением [Кибрик, Кодзасов 1990: 327], в то время как П.Т. Магомедова, носитель тиндинского языка, приписывает фиксированное место ударения каждому слову, причем различает основное и вспомогательное ударение разной интенсивности (см., например, тиндинско-русский словарь, [Магомедова 2003]).

Непечатый край работы — в сфере синтаксиса и семантики. Не входя в подробности, отметим, в каких областях сведения о системе тиндинского языка выглядят недостаточными. Это актантная структура глагольных предикатов; видовременная система; глагольная акциональность; конструкции с модальной семантикой; деривационная морфология, в том числе актантные преобразования и преобразования, изменяющие синтаксическую категорию, такие как номинализация; структура клаузы; морфосинтаксис согласования; структура сентенциальных актантов; структура и интерпретации сложных предикатов; семантика и дистрибуция послелогов и неструктурных падежей; структура именной группы, в частности количественной, комитативной, эквативной и нумеративной конструкций; сравнительные конструкции, индексикальный сдвиг, аллокутивное согласование, логические и дискурсивные операторы.

Наконец, необходима работа по сбору минимального корпуса текстов.

Второе направление — комплексное исследование тиндинского трилингвизма, которое должно опираться на имеющиеся наработки в этой области. Современные исследования трилингвизма, которые по сути мало отличаются от более широко распространенных исследований билингвизма и более редких исследований мультилингвизма, очень разнообразны по своим методам. Прежде всего, их можно разделить на качественные и количественные. К качественным методам относят разного рода интервью — как уже упоминавшиеся ретроспективные семейные интервью, так и глубинные интервью, при помощи которых социологи и этнологи посредством неформальной беседы получают подробную информацию о мотивах, мнениях и опыте респондентов (см., например, [Устьянцев и др. 2025]). Среди количественных методов наиболее распространены такие лингвистические экспериментальные инструменты, как задача на называние изображений (picture naming task) [Trudeau-Meisner et al. 2025], понимание речи на слух [Gollan et al. 2012], а также задача лексического решения (lexical decision task) [de Groot et al. 2002]. Промежуточное место между чисто качественными и чисто количественными методами занимают опросники, которые обычно содержат некоторую информацию о владении каждым из языков респондента, их сравнение, а также часто и некоторую дополнительную информацию о языковой истории. Среди наиболее широко распространенных можно выделить опросник “Language Experience and Proficiency Questionnaire”, а также опросник “Bilingual Language Profile”, легший в основу изучения кумыкско-русского билингвизма [Россяйкин и др. 2024] и марийско-русского трилингвизма [Устьянцев и др. 2024].

С точки зрения этнологии этническая группа тиндинцев представляет интерес как сообщество с проявлением множественной идентичности. С помощью анкетирования и интервьюирования местных жителей можно выявить соотношение разных форм идентичностей (локальной, этнической «тиндинской», общедагестанской, гражданской общероссийской) в разных социальных контекстах. Помимо языка как маркера этнического самосознания, важным представляется исследование других связанных с идентичностью явлений: родовой структуры, локального фольклора, обрядовых практик, материальной культуры, религиозных особенностей. Подробное описание этих признаков поможет выявить, что в представлениях современных тиндинцев является основной их этнитета.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность М.И. Магомедову, заведующему кафедрой общего языкознания ДГПУ, М.З. Магомедову, главе администрации сельского поселения Тинди, А.Г. Магомедову, журналисту газеты «Дагестанская правда», Р.О. Муталову, г.н.с. Института языкознания РАН. Без их помощи и участия экспедиция Московского университета не могла бы состояться. Авторы благодарны Ю.Б. Корякову за статистические данные, а также анонимным рецензентам за их благожелательные замечания и комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гудава Т.Е.* Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 368–383.
2. *Дирр А.* Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. (СМОМПК. Вып. XL.) Тифлис, 1909.
3. *Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О.* Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания 2022. № 4. С. 7–47.
4. *Казьмина О.Е., Соловей Т.Д., Бахматова М.Н., Федорова О.В.* Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. № 1. С. 158–173.
5. *Кибрик А.Е.* Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М.: ИРЯ, 1980.
6. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
7. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
8. *Кибрик А.Е.* (ред.) Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., 2001.
9. *Магомедов А.М.* От тиндальской общины до Тиндинского сельсовета: логистический анализ развития сельской территории // Вестник Дагестанского

- государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2022. № 4. С. 36–50.
10. Магомедова. П.Т. Тиндинско-русский словарь. Махачкала, 2003.
  11. Магомедова П.Т. Тиндинский язык. Махачкала, 2012.
  12. Магомедханов М.М., Мусаева М.К. Тиндалы (этнографический очерк XIX — нач. XX вв.). 2009.
  13. Народы Дагестана. Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002.
  14. Россыйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 37–53.
  15. Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е изд. Набережные Челны, 2009.
  16. Устьянцев Г.Ю., Синуцына Ю.В., Федорова О.В., Хомченкова И.А., Насырова Р.Р., Ананьев А.А. Этнологический и лингвистический аспекты идентичности марийских этноактивистов. Самосознание и языковые практики // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 2. С. 97–119.
  17. Устьянцев Г.Ю., Архипова М.Н., Груздева А.И., Насырова Р.Р., Россыйкин П.О., Федорова О. В. Детский кумыкско-русский билингвизм глазами школьников и их родителей. Лингвистический и этносоциальный аспекты // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 2. С. 50–66.
  18. Шабханова М.М. Маркеры воспроизводства этнической идентичности малочисленных дагестанских народов // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012а. № 3. С. 118–127.
  19. Шабханова М.М. Этноязыковые проблемы и языковое поведение малочисленных дагестанских народов (по результатам социологического исследования) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012б. №4. С. 91–102.
  20. Шабханова М. М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. 10. 354. С. 88–97.
  21. Authier G. Tindi. The Caucasian languages. // An International Handbook, Vol. 1. Nakh-Daghestanian languages: Nakh, Avar-Andic and Tsezic, ed. by T. A. Maisak, Yu. B. Koryakov, S. Kaye. In preparation.
  22. de Groot A., Borgwaldt S., Bos M., Eijnden E. Lexical Decision and Word Naming in Bilinguals: Language Effects and Task Effects. *Journal of Memory and Language*, 2002, 47, pp. 91–124.
  23. Gaither S. E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. // *Self & Identity*, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity, 2018. 17, pp. 443–454.
  24. Gollan T. H., Weissberger G. H., Runnqvist E., Montoya R. I., Cera C. M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 594–615.
  25. Kibrik A. E. (ed.). Godoberi. *Lincom Studies in Caucasian Linguistics*. München/ Newcastle, 1996.
  26. Trudeau-Meisner M., Johns B. T., Taler V. Contextual diversity and picture naming: The role of aging and bilingualism. *Bilingualism: Language and Cognition*. Published, 2025, pp. 1–17.

27. von Erkert R. Der Kaukasus und seine Volker. Nach eigener Auschaung. Leipzig, 1888.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по федеральным округам. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php.
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php.
3. Всероссийская перепись населения 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

REFERENCES

1. Authier G. Tindi. The Caucasian languages. An International Handbook, Vol. 1. Nakh-Daghestanian languages: Nakh, Avar-Andic and Tsezic, ed. by T. A. Maisak, Yu. B. Koryakov, S. Kaye. *De Gruyter Mouton*. In preparation.
2. de Groot A., Borgwaldt S., Bos M., Eijnden E. Lexical Decision and Word Naming in Bilinguals: Language Effects and Task Effects. *Journal of Memory and Language*, 2002, 47, pp. 91–124.
3. Dirr A. Materialy dlja izuchenija jazykov i narechij ando-didojskoj gruppy [Materials for the study of languages and dialects of the Ando-Dido group]. (SMOMPK. Vyp. HL.) Tiflis, 1909.
4. Gaither S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. *Self & Identity, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity*, 2018. 17, pp. 443–454.
5. Gollan T.H., Weissberger G.H., Runnqvist E., Montoya R.I., Cera C.M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 594–615.
6. Gudava T. E. Tindinskij jazyk [Tindi]. Jazyki narodov SSSR. T.IV. Iberijsko-kavkazskie jazyki. [Languages of the Peoples of the USSR. T. I. IV. Ibero-Caucasian Languages]. M.: Nauka, 1967, P. 368–383. (In Russ.)
7. Kazakevich O.A., Budjanskaja E.M., Evstigneeva A.P., Korjakov Ju. B., Mordashova D.D., Pokrovskaja S.V., Polivanov K.K., Renkovskaja E.A., Halilova Z.M., Shejfer K.O. Shkaly jazykovoj vital'nosti i ih primenimost' k materialu konkretnyh jazykovyh situacij [Language vitality scales and their applicability to the material of specific language situations]. *Voprosy jazykoznanija*, 2022, 4. P. 7–47. (In Russ.)
8. Kazmina O.E., Solovej T.D., Bakhmatova M.N., Fedorova O.V. Jetnokul'turnye identichnosti v zerkale statistiki: perepisi naselenija Rossii 1897–1937 gg. [Ethnocultural Identities through the Lens of Statistics: Russian population censuses 1897–1937]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*, 2025, 1. P. 158–173. (In Russ.)
9. Kibrik A.E. Materialy k tipologii ergativnosti. 9. Chamalinskii jazyk. 10. Tindinskii jazyk. 11. Akhvakhskii jazyk. 12. Khvarshinskii jazyk [Materials for typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khvarshi]. Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii. Issue 130. M.: Institute of Russian Language, 1980. (In Russ.)
10. Kibrik A.E. (ed.). Godoberi. Lincom Studies in Caucasian Linguistics. München/Newcastle: *Lincom Europa*, 1996.
11. Kibrik A.E. (ed.). Bagvalinskii jazyk. Grammatika, teksty, slovari [Bagwalal: Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie, 2001. (In Russ.)

12. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Glagol. [Comparative study of Dagestanian languages. Verb.]. Moscow: MGU, 1988. (In Russ.)
13. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika. [Comparative study of Dagestanian languages. Noun. Phonetics.]. Moscow: MGU, 1990. (In Russ.)
14. Magomedov A.M. Ot tindal'skoj obshhiny do Tindinskogo sel'soveta: logisticheskij analiz razvitiya sel'skoj territorii. [From the Tindala Community to the Tindala Village Council: A Logistics Analysis of Rural Development]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki*, 2022, 4. P. 36–50. (In Russ.)
15. Magomedova. P.T. Tindinsko-russkij slovar'. [Tindi-Russian dictionary]. Mahachkala, 2003. 618 pp. (In Russ.)
16. Magomedova P. T. Tindinskij jazyk. [Tindi]. Mahachkala, 2012. (In Russ.)
17. Magomedhanov M.M., Musaeva M.K. Tindaly (jetnograficheskij ocherk XIX — nach. XXvv.). [Tindals (ethnographic essay of the 19th — early 20th centuries)]. 2009. (In Russ.)
18. Narody Dagestana. [Peoples of Dagestan]. Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. M., 2002. (In Russ.)
19. Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu. R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyantsev G. Yu., Fedorova O.V. Vozrastnaya dinamika bilingvizma terskikh kumykov kak indikator vital'nosti yazyka: yazykovoj i sociokul'turnyj aspekty [Age dynamics in Kumyk-Russian bilingualism and its implications for language vitality: linguistic and sociocultural dimensions. Part 1.] *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9: Filologiya*. 2024. № 1. P. 37–53. (In Russ.)
20. Shabhanova M.M. Markery vosproizvodstva jetnicheskoy identichnosti malochislennyh dagestanskikh narodov. [Markers of the reproduction of ethnic identity of small Dagestani peoples]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii*. 2012a, 3. P. 18–127. (In Russ.)
21. Shabhanova M.M. Jetnojazykovye problemy i jazykovoe povedenie malochislennyh dagestanskikh narodov (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija). [Ethnolinguistic problems and linguistic behavior of small Dagestani peoples (based on the results of a sociological study)]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii*, 2012b, 4. P. 91–102. (In Russ.)
22. Shabhanova M.M. Jetnicheskaja identichnost' malochislennyh dagestanskikh narodov v sovremennyh uslovijah. [Ethnic identity of small Dagestan peoples in modern conditions]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2013, 10, 354. P. 88–97. (In Russ.)
23. Sokolovskij S.V. Krjasheny vo Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda. [Kryashens in the 2002 All-Russian Population Census]. 2-e izd. Naberezhnye Chelny: *KrjashIzdat*, 2009. 248 pp. (In Russ.)
24. Trudeau-Meisner M., Johns B.T., Taler V. Contextual diversity and picture naming: The role of aging and bilingualism. *Bilingualism: Language and Cognition*. Published, 2025, P. 1–17.
25. Ust'jancev G. Ju., Sinicya Ju. V., Fedorova O.V., Homchenkova I.A., Nasyrova R.R., Anan'ev A.A. Jetnologicheskij i lingvisticheskij aspekty identichnosti marijskikh jetnoaktivistov. Samosoznanie i jazykovye praktiki. [Ethnological and linguistic aspects of the identity of Mari ethnoactivists. Self-awareness and linguistic practices]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija*, 2024, 65, 2. P. 97–119. (In Russ.)
26. Ust'yantsev G. Yu., Arkhipova M.N., Gruzdeva A.I., Nasyrova R.R., Rossyaikin P.O., Fedorova O.V. Detskii kumyksko-russkii bilingvizm glazami shkol'nikov i ikh

roditelei. Lingvisticheskii i etnosotsial'nyi aspekty. [Children's Kумыk-Russian bilingualism through the eyes of schoolchildren and their parents. Linguistic and ethnosocial aspects]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2025, 2. P. 50–66. (In Russ.)

27. von Erkert R. Der Kaukasus und seine Volker. Nach eigener Auschaung. Leipzig: Verlag von Paul Froberg, 1888.

INTERNET SOURCES

1. Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 g. Nacional'nyj sostav naselenija po federal'nyh okrugam. [2002 All-Russian Population Census. Ethnic Composition of the Population by Federal Districts]. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php.
2. Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 g. Nacional'nyj sostav naselenija Rossijskoj Federacii. [2010 All-Russian Population Census. Ethnic Composition of the Population of the Russian Federation.]. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php.
3. Vserossijskaja perepis' naselenija 2021 g. [2020 All-Russian Population Census]. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Поступила в редакцию 20.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 25.01.2026

Received 20.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 25.01.2026

ОБ АВТОРАХ

Сергей Георгиевич Татевосов — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Ольга Евгеньевна Казьмина — заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; okazmina@inbox.ru

Марьяна Николаевна Архипова — доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; marta_ko@mail.ru

Мария Борисовна Панич — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; shmak1280@gmail.com

Петр Олегович Россыйкин — инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; petrrossyaykin@gmail.com

Федор Алексеевич Садковский — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; feudor987@mail.ru

Герман Юрьевич Устьянцев — ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; ustyan-93@mail.ru

Ольга Викторовна Федорова — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergei G. Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

Olga E. Kazmina — Head of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; okazmina@inbox.ru

Mariana N. Arkhipova — Associate professor at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; marta_ko@mail.ru

Maria B. Panich — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; shmak1280@gmail.com

Petr O. Rossyaykin — Engineer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; petrrossyaykin@gmail.com

Fedor A. Sadkovskii — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Assistant, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; feudor987@mail.ru

German Yu. Ustyantsev — Assistant of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ustyan-93@mail.ru

Olga V. Fedorova — Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru